

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 3 (18) 2015

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2015

Совместно с

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3 (18) 2015

В. В. Баранова. Переключение кодов и заимствования как чужая речь: маркирование русских элементов в калмыцком языке	7
М. А. Ключева (при участии Ю. В. Норманской). Первые луговомарийские буквари 1870-х гг.: лингвистический обзор. Часть I. Введение. Гласные звуки и буквы для них	18
Н. М. Мулаева. Дефиниции растений в толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»	64
Е. М. Напольнова. Глаголы перемещения в современном турецком языке (<i>gel-, git-, geç-</i>)	75
Ю. В. Норманская. Система разноместного ударения в мансийском глаголе и ее внешние соответствия. Часть II. Юкондинский диалект мансийского языка.....	88

ПЕРСОНАЛИИ

В. Э. Раднаев. Доржи Банзаров в русском востоковедении первой половины XIX в. и современном бурятском персонализме (К 190-летию со дня рождения ученого).....	103
Р. А. Сулейманова. Известные башкирские ученые-лингвисты (К 120-летию со дня рождения А. А. Мансурова и 115-летию со дня рождения К. З. Ахмерова).....	107
Требования к оформлению статей.....	112
Как подписаться	115

Переключение кодов и заимствования как чужая речь: маркирование русских элементов в калмыцком языке¹

1. Предварительные сведения

Калмыцкий язык относится к монгольским языкам и распространен в Республике Калмыкия, а также на территории Астраханской, Волгоградской и Ростовской областей; ойратский язык распространен также в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и во Внутренней Монголии (КНР), в Кыргызстане. Существует письменная традиция на калмыцком (ойратском) языке, хотя система письма и орфография менялись: вертикальное письмо «Тодо бичиг» в XX в. было заменено на кириллицу, затем на латиницу и снова на кириллицу.

Калмыцкий язык — агглютинативный, порядок слов в нем — SOV. Наиболее существенные языковые контакты, после того как калмыки откололись от ойратов и переселились на территорию нынешнего обитания, — с русским языком, хотя старые заимствования отражают тибетское (прежде всего в религиозной сфере) и тюркское влияния. Все носители калмыцкого языка владеют русским, но не все калмыки знают калмыцкий: сообщество переживает языковой сдвиг, и степень владения языком различается у разных носителей — в зависимости от городского или сельского проживания, возраста, семейных и индивидуальных особенностей.

Задача данной работы состоит в описании переключения кодов в речи двуязычных калмыков и анализе механизмов адаптации русскоязычных заимствований в калмыцком языке. В фокусе внимания находятся переключения кодов при прямой речи, стратегии включения иноязычных именных групп с помощью грамматикализованных форм глагола речи *gi-* и модель адаптации глагольных заимствований.

Под переключением кодов (далее — ПК) здесь понимается использование материала разных языков в рамках одного дискурса или высказывания, т. е. термин «переключение кодов» используется в качестве общего наименования для разных типов совмещения материала разных языков, в отличие от подхода, противопоставляющего переключение и смешение кодов [Auer 1999], или работ, в которых в качестве общего термина используется «смешение кодов» (code-mixing) [Muysken 2000]. Оформленные по законам фонетики и морфологии калмыцкого языка элементы (см. в разделе 3 о признаках адаптации в калмыцком) далее называются заимствованиями, хотя следует учесть, что граница между смешением кодов и заимствованиями с теоретической точки зрения в значительной мере условна (и наиболее существенным признаком оказывается частотность [Myers-Scotton 1992]). Анализ моделей адаптации глаголов базируется главным образом на работах [Muysken 2000; Wohlgemuth 2009].

Данная статья основана на небольшом корпусе устных текстов (часть из них была опубликована в сборнике [Сай и др. 2009]), записанных в 2007—2008 гг. и в 2014 г. в Кетченеровском районе Республики Калмыкия, где распространен дюрвюдский (дербетский) диалект, составивший основу литературного калмыцкого языка. Хотя существует стандартная кириллическая орфография, примеры приводятся в транскрипции²; глоссирование в основном следует Лейпцигским правилам [Glossing Rules], глоссы расшифрованы в списке сокращений. Литературные тексты не привлекаются для анализа, т. к. не отражают переключения кодов, хотя включают устоявшиеся заимствования.

Статья организована следующим образом: в разделе 2 кратко описаны начало интенсивных языковых контактов и двуязычное русско-калмыцкое взаимодействие в сообществе в настоящее время, в разделе 3 представлены основные морфонологические критерии оформления русских элементов, в разделе 4 рассматриваются ПК с маркерами прямой или косвенной речи и оформление заимствованных именных

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования № 15-01-0123 «Множественная грамматикализация глагола речи в калмыцком языке» в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2015—2016 гг. и с использованием средств выделенной НИУ ВШЭ субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров. Я благодарю рецензентов журнала «Урало-алтайские исследования», коллег, принимавших участие в экспедициях, и носителей калмыцкого языка, консультировавших нас.

² Калмыцкие примеры выделены курсивом, случаи переключения кодов выделены полужирным шрифтом. Освоенные заимствования приводятся в латинской транскрипции, переключения кодов и элементы с неясным статусом — в русской орфографии.

групп глаголом говорения, раздел 5 посвящен модели адаптации заимствованных глаголов со связкой *ke-* ‘делать’.

2. Двухязычное общение в калмыцких поселках

С социолингвистической точки зрения калмыцкий язык находится в ситуации языкового сдвига. Наибольшее влияние на сохранность языка оказали депортация калмыков и тяжелые условия жизни в Сибири в 1943—1956 гг. Хотя знание русского языка постепенно распространялось в сообществе и прежде, двухязычие приняло массовый характер именно в этот период. Характерно, что среди старых заимствований много диалектизмов, услышанных в Сибири.

- (1) *uu-xə čatušk üsə av-ad jov-dəg bää-ž*
 пить-PC.FUT чатушка молоко брать-CV.ANT ходить-PC.HAB быть-EVD
 ‘(...) на работу всегда брал с собой **чатушку**³ молока для питья’.

Негативное влияние на положение калмыцкого языка оказали физическое сокращение носителей, особенно старшего поколения, и доминирование русского языка у детей, родившихся и выросших в Сибири, особенно у тех, кто оказался в поселках с небольшим количеством калмыков, лишился родителей и т. д., однако в сообществе выработались механизмы поддержки, частично способствующие языковой устойчивости (см. подробнее [Baranova 2009]).

В настоящее время нормой для сообщества (в поселках с хорошей сохранностью языка) являются двухязычие всех членов и использование в диалогах русского и калмыцкого. Коммуникация только на русском или только на калмыцком представляет собой исключение, тогда как нормой неформального общения является использование обоих кодов в речи (см. примеры (2), (3) из диалогов).

- (2) *специально рентген вчера xälä-sən bol-xə*
 смотреть-PC.PST становиться-PC.FUT
 ‘Специально рентген вчера посмотрела’.

Допустимо отвечать на калмыцкую реплику русской (и наоборот), как в примере (3).

- (3) З: *ter siimk-an ol-žə av-u-t*
 тот симка-P.REFL находить-CV.IPFV брать-PST-2PL
 ‘Вы нашли эту свою симку?’
 Л: **я восстановила новую**

Все жители небольших поселков (Тугтун, Эвдык, Шин-Мер) настолько привыкли к подобному положению, что достаточно быстро переходят в режим ПК и в присутствии тех, у кого родной язык — русский. Выбор двухязычного общения свидетельствует об отсутствии дистанции и включении (по крайней мере частичном) в круг «своих»⁴. Как показывают наблюдения, живущие в калмыцких поселках русские также участвуют в двухязычной коммуникации: единственная русская в поселке Тугтун Кетченеровского района (около 1970 г. р., родилась в Ростовской области) отвечает на калмыцкое обращение преимущественно по-русски, но может включить отдельные элементы калмыцкого; по воспоминаниям информантов, так разговаривали местные русские и прежде.

- (4) [Раньше была русская, учительница начальных классов, которая хорошо понимала калмыцкий.]
Так-то она не говорила, но все понимала, а Семеновна — она молодая, она научится. Она так будет чесать... Кто знает наш язык — так ему дороже родного бывает, с таким вкусом они говорят. Тут многие были вот на фермах, которые жили с калмыками (женщина, около 80 лет).

В монологической речи чаще используется один идиом и ПК не является нормой. Существуют различия в текстах калмыков разного возраста. Наиболее пожилые носители включают русские элементы, чтобы выразить отсутствующие в языке-реципиенте понятия, например, даты (отличающиеся от счета месяцев по лунному календарю) или обозначения советских или современных российских реалий.

- (5) *тридцатого мая ter tosə xääl-äd beräd-in av-č ir-sən*
 тот масло таять-CV.ANT сноха.PL-GEN брать-CV.IPFV приходить-PC.PST
 ‘Тридцатого мая натопила это масло, принесенное невестками’.

³ Чатушка — небольшая бутылочка.

⁴ Эти ожидания распространяются и на исследователей, пробывших в поселке достаточное время.

В речи информантов среднего возраста и молодых носителей наблюдается больше интерференционных явлений (как лексических, так и грамматических). В их текстах представлено множество примеров интерференции прагматических элементов. Замена функциональных слов не является признаком аттриции и может быть одним из контактных явлений, не свидетельствующих об исчезновении языка [Sasse 1992].

- (6) *вот* *tegaäd ter-chən adr-ad* *odə-n* *gi-žä-nä,* *понимаешь?*
 потом тот-P.2SG сходить.с.ума-CV.ANT уходить-CV.MOD говорить-PROG-PRS
Вот поэтому она и сходит с ума, **понимаешь?**

- (7) *уже* *kögšär-žə jov-na-v*
 стареть-CV.IPFV ходить-PRS-1SG
 ‘Я уже старею’.

И, наоборот, во фразах с русским матричным языком встречаются калмыцкие функциональные элементы.

- (8) *Большой испуг отливают* *tiig-äd,* *вот так и отливают.*
 делать.так-CV.ANT

Дети и подростки достаточно часто отвечают по-русски на калмыцкую реплику и включают калмыцкие элементы в русские фразы. Стратегии оформления заимствований, рассматриваемые ниже, присутствуют в речи информантов всех возрастов.

Для большинства носителей, кроме совсем пожилых и детей, внутригрупповая норма предполагает ПК, тогда как одноязычный режим общения используется жителями поселков в ситуациях выхода из группы (например, поездки в город, где принято говорить по-русски с другими калмыками). Только калмыцкий язык используется в фольклорных текстах, повторяемых, а не порождаемых заново (сказках, песнях), или составленных из традиционных формул риторических текстах (йорялы-благопожелания, благодарности и др.). Весьма перспективным представляется в этой связи выдвинутое Ф. Грожаном разграничение монолингвального и билингвального «режимов» (monolingual mode and bilingual mode) речевого поведения билингва, предполагающих активизацию одного или нескольких идиомов [Grosjean 1995].

Итак, экстремальный характер языковых контактов во время депортации сменился стабильным двуязычием со свободным переключением кодов. Помимо неадаптированного ПК, в калмыцком языке представлены механизмы фонетической и морфологической адаптации отдельных русскоязычных элементов. Рассмотрим, какие стратегии оформления вырабатывает калмыцкий язык в контактной ситуации.

3. Основные критерии адаптации иноязычных элементов

Континуум от ПК, предполагающего вкрапление отдельных лексем или высказывания на другом языке с сохранением грамматических свойств L1, до регулярных заимствований, входящих в лексикон, проходит через спонтанные заимствования, не закрепленные, в отличие от частотных заимствований, в лексиконе L2. III. Поплак называет подобные заимствования “nonce-borrowing” — заимствования ad hoc изолированных лексических элементов [Poplack et al. 1988]. Хотя в некоторых работах “nonce-borrowing” понимается как ПК на уровне отдельного слова, здесь важно, что иноязычный фрагмент получает морфонологическое оформление, как в примере (9).

- (9) *партизанск отряд* *jov-sən,* *tiimə kü-n* *bilä*
 ходить-PC.PST такой человек-EXT быть.REM
 ‘В партизанском отряде была, такой человек была’.

Хотя граница между заимствованиями и ПК достаточно условна, существуют частноязыковые критерии разграничения неадаптированных иноязычных фрагментов и оформленных единиц калмыцкого языка, обязанных своим происхождением влиянию русского языка. Критерии, позволяющие выделить оформленные заимствования в калмыцком, перечислены в [Баранова, Сай 2009: 716—717]; наиболее существенными чертами представляются удлинение ударного гласного в первом слоге и морфологическое оформление слова калмыцкими показателями. В примере (10) представлено фонетически и морфологически оформленное заимствование *тооčk-* ‘хозяйственная стоянка в степи’, а также переключение на русский.

- (10) *mini ekə-ekə тооčk-дә жили, на точке, на кошаре*
 я.GEN мать-отец точка-DAT
 ‘Мои родители **на точке** жили, на точке, на кошаре’.

Характерно, что сингармоническое оформление заимствований не является обязательным (в отличие от исконных калмыцких слов). Адаптированные заимствования утрачивают русское словоизменение и употребляются в исходной форме: инфинитив глаголов, именительный падеж мужского рода для прилагательных, основа существительных с усечением окончания.

- (11) *oblastnoj komendatur-də-nʲ*
 областной комендатура-DAT-P.3
 ‘в областную комендатуру’

В примере (12) видно, что в реплике первого собеседника субстантивированное прилагательное ‘отказная’ употреблено в соответствии с правилами русского языка (матричного для данного высказывания), а во втором — в исходной форме.

- (12) Г: *Надо было тебе написать отказную.*
 А: *Отказной ke-čk-lä bi.*
 делать-COMP-REM 1SG.NOM
 ‘Отказную я написала’ (букв. ‘сделала’).

Итак, русские заимствования адаптируются к фонетическим и словоизменительным характеристикам калмыцкого языка. Кроме того, существуют две модели включения иноязычных элементов в речь на калмыцком: глагол *ke-* ‘делать’ используется как связка при заимствованных глаголах, как в примере (12), а именные группы оформляются формами глагола *gi-* ‘говорить’. Последняя модель имеет два возможных источника — ПК при прямой речи и конструкцию с грамматикализованным глаголом *gi-* ‘говорить’, вводящую имена собственные и идеофоны.

4. ПК при передаче чужой речи и послелог при именах собственных

В диалогах или бытовых рассказах ПК часто встречается при передаче чужой речи: говорящий при пересказе словно представляет реплики собеседника на том языке, на котором они были произнесены, как в примере (13) при передаче прямой речи ребенка.

- (13) *a potom ükər saa-xar kar-žə od-xla a он кричит*
 корова доить-CV.PURP выходить-CV.IPFV уходить-CV.SUCC
terzə cok-ad, мама, мама, спаси меня, меня в подвал закинуть хочет
 окно ударить-CV.ANT
 ‘А потом [я] пошла корову доить, а он кричит, стуча в окошко: «Мама, мама, спаси меня, меня в подвал закинуть хочет!»’.

Нередко русский язык в составе ПК не вполне грамматичен, что может объясняться как особенностями русского языка старшего поколения, так и воспроизведением сбивчивой речи собеседника.

- (14) *начальник спецотдел öör-än neg jum-ta naga-kan kar-в-žə*
 близко-P.REFL один вещь-ASSOC наган-P.REFL выходить-CAUS-CV.IPFV
av-ad al'də-m iig-äd šurk-ul-ža-вад kel-žä-nä:
 брать-CV.ANT где-P.1SG делать.так-CV.ANT пролезать-CAUS-PROG-CV.ANT говорить-PROG-PRS
ты, я тебя сейчас застрелю, такого же бандита, изменница Родины gi-žä-nä namagə
 говорить-PROG-PRS 1SG.ACC

‘Начальник спецотдела с кем-то вытащили наган, засовывая куда-то в меня [в рот], говорит: «Ты, я тебя сейчас застрелю, изменницу Родины, ты такой же бандит» [как и другие спецпереселенцы, о которых требовали сообщать. — примеч. В. Б.], — говорит мне’.

Сама по себе ситуация ПК при цитате или оформлении прямой речи является ожидаемой и распространена в разных двуязычных сообществах. С точки зрения функций ПК цитирование, наряду с повторением, уточнением, уточнением адресата и т. д., относится к мотивированному [Gumperz 1982: 75—84] или метафорическому переключению кодов. Воспроизводство чужой речи является триггером, вызывающим переключение кодов с L1 на L2, если разговор происходил на языке L2, поскольку рассказчик, вспоминая, мысленно воспроизводит диалог. Одновременно с этим переключение кодов позволяет организовать дискурс, показать границы прямой речи или включить нового персонажа (см., например, в севернорусском диалекте цыганского языка [Русаков 1998]).

Интересным аспектом калмыцко-русского ПК является переход от метафорического переключения кодов при прямой речи к модели оформления спонтанных заимствований и иноязычных имен собственных по модели прямой речи с глаголом *gi-* ‘говорить’. Глагол *gi-* ‘говорить’ в калмыцком языке грамма-

тикализовался в составе разных конструкций; см. подробнее об употреблении данного глагола в статье Г. Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 1976]. Для анализа оформления заимствований и переключения кодов важны, во-первых, конструкции с прямой и косвенной речью и, во-вторых, конструкции именования⁵.

Функции квататива свойственны глаголу ‘говорить’ во всех монгольских языках и были представлены уже на ранних этапах грамматикализации: см. о глаголе *kee-* / *keme-* ‘говорить’ при прямой и косвенной речи в среднемонгольском [Street 2013]. Модель ввода косвенной / прямой речи с помощью деепричастий от глагола ‘говорить’ широко представлена и в тюркских языках; см. [Johanson, Csató 1998] и таблицу в работе [Matić, Pakendorf 2013: 363]. Ниже пойдет речь преимущественно о конструкциях с финитными формами глагола *gi-* ‘говорить’.

Финитные формы глагола *gi-* ‘говорить’ используются в нарративе при пересказе чужой речи, предполагающем включение небольших фрагментов речи и отсылку к субъективным языковым элементам другого говорящего (ср. местоимения в примере (16), ориентированные на воспроизведение прямой речи, а не рассказчика).

(15) *Ja, bi med-ža-x-š-u gi-vä!*
 а 1SG.NOM знать-PROG-PC.FUT-NEG.PRS-1SG говорить-PST.EMPH
 ‘А, я ничего не знаю!» — говорит / мол’.

(16) *ter-tən buru jos-ar jov-ul-sən gi-žä-nä*
 тот-Р.2PL неправильный власть-INS ходить-CAUS-PC.PST говорить-PROG-PRS
 ‘«Этих ваших [калмыков, т. е. рассказчика и его группу. — *примеч. В. Б.*], — говорит, — по неправильному решению отпавили»’.

Таким субъективным элементом, аналогичным пространственному дейксису или референции, оказывается язык произнесения: форма глагола *gi-* ‘говорить’ маркирует переключение кодов как один из случаев чужой речи. Формы глагола *gi-* на синхронном уровне обладают неоднозначностью: в некоторых контекстах носители осознают исходную лексическую семантику глагола, тогда как в других часто опускают при переводе, т. е. глагол *gi-* ‘говорить’ воспринимается как частично десемантизированный (ср. русские дискурсивные маркеры *мол* и *грит* в разговорной речи — по происхождению застывшие стяженные личные формы глаголов).

(17) *enə oda Еременко gi-dəg director bilä ter tävə-n tav-dəgčə*
 этот сейчас говорить-PC.HAB директор быть.REM тот 50-EXT пять-ORD
žil јии-п-а целина залежных земель, поднятие целины gi-väd
 год что-EXT-GEN говорить-CV.ANT
орден Ленина аčəl-gd-sən kü-n bilä
 награждать-PASS-PC.PST человек-EXT быть.REM

‘Этого директора звали Еременко, он в пятьдесят пятом году, это, **за целину залежных земель, за поднятие целины**, был награжден **орденом Ленина**’.

Пример (17) интересен еще одним случаем использования формы от глагола ‘говорить’ — *gi-dəg* ‘говорить-PC.HAB’. Эта грамматикализованная форма выполняет функцию послелога и встречается с именами собственными; ее переводят в разных контекстах как ‘так называемый’, ‘по имени’ или ‘как говорится’, однако она встречается значительно чаще, чем русские аналоги. Эта структура используется для введения имен собственных (как заимствованных, так и исконных) в атрибутивных и предикативных контекстах.

(18) *ну, авк-ин-дә-т Кат'а gi-dəg күүкә-п билә*
 дядя.по.отцу-GEN-DAT-P.1SG Катя говорить-PC.HAB девочка-EXT быть.REM
 ‘Ну, в семье моего дяди была девочка, которую звали Катя’.

⁵ Другие направления грамматикализации составляют, во-первых, интенциональное значение, проспектив и проксиматив, выражаемые финитными формами глагола *gi-* ‘говорить’ в сочетании со слитным деепричастием на *-п*; во-вторых, формы глагола *gi-* ‘говорить’ используются для конверсии различного рода неглагольных лексем в предикаты, в частности идеофонов (*taš-taš giž inä-* ‘звонко смеяться’, *gils-gils gižä xälä-* ‘смотреть, потупив глаза’). Кроме того, форма соединительного деепричастия на *gi-žə* и форма разделительного деепричастия на *gi-vad* выполняют функцию комплементаризеров при глаголах говорения, восприятия и мыслительной деятельности, вводящих сентенциальные актаны [Князев 2009]. Такой широкий набор в разной степени грамматикализовавшихся конструкций глагола ‘говорить’ характерен для разных монгольских языков; большинство значений так или иначе связано с исходной семантикой (семантикой говорения).

(19) *enə* *Güzäk* *gi-dəg* *xot-n-asə* *kar-ad* *joṽ-s-mən*
 этот Гюзяк говорить-РС.НАВ деревня-EXT-ABL выходить-CV.ANT ходить-РС.PST-COP.AFF
 ‘⟨...⟩ [моя мама в 13 лет] она выселялась из местечка Гюзяк’.

(20) *stanc* *Шапиновка* *gi-dəg* *bilä*
 станция говорить-РС.НАВ быть.REM
 ‘Станция называлась Шапиновка’.

В предикативном употреблении, как в примере (20), эта форма композициональна и свидетельствует только о развитии у глагола *gi-* значения ‘называть’, но в атрибутивном употреблении, исходно представляющем собой относительный оборот, проявляются свойства послелога при именной группе (например, форма *gidəg* не может быть отделена от имени собственного даже служебными словами). С нарицательными существительными форма *gidəg* может выполнять функции прагматического оператора, выделяющего фрагменты дискурса, хотя преимущественно она используется с именами собственными. В близкородственном халха-монгольском языке глагол *ge-* ‘говорить’ используется также в предикативных и атрибутивных конструкциях именованности и в контекстах, предполагающих существование объекта с этим именем, как показывает Б. Брозиг [Brosig forthc.]⁶, хотя употребление с заимствованиями не упоминается. Д. Матич и Б. Пакендорф показывают использование глагола ‘говорить’ в разного рода приименных конструкциях на ареальном материале языков Сибири, в которых глагол ‘говорить’ выполняет функцию маркера металингвистического употребления [Matić, Pakendorf 2013: 378—381]. Хотя авторы не выделяют отдельно модель адаптации заимствований, один из примеров показывает включение русского заимствования в якутский язык с помощью деепричастия *die-An* от глагола со значением ‘говорить’ [Matić, Pakendorf 2013: 381]; трудно сказать, насколько распространенной является эта модель.

Важно отметить, что в калмыцком языке употребление хабиутального причастия от глагола *gi-* ‘говорить’ не является обязательным при любых именах собственных, хотя встречается чрезвычайно часто. Наличие или отсутствие конструкции наименования при именах собственных связано, по-видимому, с прагматикой и тема-рематической организацией высказывания. Одним из наиболее характерных и частотных случаев употребления хабиутального причастия *gi-dəg* при именах собственных служат заимствованные имена собственные: имена людей, топонимы, названия учреждений, марок или сортов чего-либо и т. д. Логичным выглядит распространение этой модели на любые маркированные иноязычные именные группы, т. е. модель именованности становится моделью адаптации заимствований (прежде всего имен собственных, но и других именных групп, выделенных в дискурсе или маркируемых как металингвистические употребления) и включения в морфосинтаксические отношения спонтанных заимствований, как в примере (21).

(21) *oda* *kel-xlägə* *ter bol-ža-na* **натуральный продукт** *gi-dəg*
 сейчас говорить-CV.SUCC2 тот становится-PROG-PRS говорить-РС.НАВ
juṽə-n *ter bol-ža-na*
 вещь-EXT тот становится-PROG-PRS
 ‘Как говорится, это называется «натуральный продукт»’.

В примере (21) хабиутальное причастие *gi-dəg* после иноязычного фрагмента можно рассматривать и как послелог, вводящий заимствованные или по другим причинам маркированные номинации, и как ПК при прямой речи (как отмечено выше, в калмыцком языке обычно используется застывшая личная форма как маркер цитатива, но возможно и словоизменение). Эти источники, разумеется, в свою очередь диахронически связаны между собой.

Итак, в калмыцком языке распространено маркирование ПК формами глагола *gi-* ‘говорить’. Функция маркера переключения кодов не выделяется отдельно для глагола ‘говорить’ в монгольских языках (см. о халха-монгольском [Hashimoto 2004; Brosig forthc.] и среднемонгольском [Street 2013]), хотя, по некоторым данным, представлена в некоторых тюркских языках. Возможно, что именно в калмыцком произошел переход от конструкции с именами собственными (в т. ч. и заимствованными) к относительно регулярному способу включения в текст спонтанных заимствований именных групп. Типологическим контекстом может служить упоминаемое Т. Гюльдеманом в ареальном исследовании цитативов в языках Африки оформление заимствований и идеофонов вспомогательным глаголом ‘говорить’ в канури и айки [Güldemann 2008: 480—484], правда, не оговариваются связь с именами собственными и именной или глагольной характер заимствованных корней.

⁶ Б. Брозиг приводит примеры с разными формами глагола *ge-* ‘говорить’ в халха-монгольском при именовании, но в калмыцком языке в этой функции используется только форма хабиутального деепричастия *gidəg*.

5. Адаптация русских глаголов в модели с глаголом *ke-* ‘делать’

Выше рассматривалась модель включения в калмыцкий текст русских именных групп с помощью форм глагола *gi-* ‘говорить’, в данном разделе речь пойдет о заимствовании глаголов. Существует множество свидетельств того, что разные части речи заимствуются неодинаково: с большей или меньшей легкостью, с использованием разных моделей. Принято считать, что имена легче заимствуются, чем глаголы, хотя последние типологические исследования показывают, что это представление не вполне оправданно [Wohlgemuth 2009: 246]. Калмыцкий язык заимствует русские глаголы с большим трудом, чем русские существительные: в текстах их меньше, отсутствуют неадаптированные русские глагольные формы в рамках высказываний с калмыцким матричным языком. Существует особый способ адаптации русских глагольных лексем: в таких случаях используется инфинитив русского глагола, а грамматическая информация маркируется на располагающейся после нее форме калмыцкого глагола *ke-* ‘делать’.

- (22) *tenü-gə sivaḡa-ki-ni' zapravljat' ke-xə kerg-tä*
 тот-ACC весь-ACC-P.3 делать-PC.FUT дело-ASSOC
 ‘Их [машины, технику] все надо заправлять’.

Эта модель интересна тем, что в калмыцком языке глагол *ke-* ‘делать, лить’ не выполняет функции вершины сложных глаголов. Он может образовывать предикат от именной основы (см. выше пример (12) *отказной ke-čk-lä* ‘отказную сделала’ или пример (23)), но сочетание с деепричастием зависимого глагола от калмыцкой основы не встречается.

- (23) *nu, sui-na-vidən, du kar-ad tegäd, küük-tä-qän jumə*
 сидеть-PRS-1PL голос выходить-CV.ANT потом девочка-ASSOC-P.REFL вещь
рассказ ke-qäd, там разные истории
 делать-CV.ANT

‘Ну, сидим, там, разговариваем, что-то рассказы с девочками рассказываем, там, разные истории’.

Заимствование или спонтанное заимствование образует новую модель, не существующую ни в русском, ни в калмыцком языке: нельзя сказать по-русски **заправлять делать*, а по-калмыцки — **diiürg- ke-* ‘заправлять делать’. П. Майскен отмечает, что включение глаголов из другого языка с помощью глагола ‘делать’ из матричного языка типологически часто, а ПК часто приводит к инновациям и появлению структур, отсутствующих в обоих контактирующих языках [Muysken 2000: 184—185].

В калмыцкий язык русский глагол заимствуется в форме инфинитива (один из типов, выделенных в [Muysken 2000], инфинитив — зависимое исконного глагола-связки [Muysken 2000: 185]); Ян Вольгемут называет этот тип заимствования глагольных основ стратегией использования вспомогательного глагола (“light verb strategy”) [Wohlgemuth 2009: 107 и далее]. Такая модель характерна для самых разных языков, в частности для турецкого [Baskus 1996]. Ср. пример заимствования русских глаголов в румейском языке (24).

- (24) *su xuri-mas ol andri purun kan vodit' mašinu*

‘В нашей деревне все мужчины умеют водить машину’ (женщина, 1927 г. р., с. Бугас Волновахского района Донецкой области; записали В. Баранова и К. Викторова).

В калмыцких текстах по этой модели включаются русские глаголы вне зависимости от залога или актантной деривации, см. возвратные и реципрокальные формы русских глаголов. На вспомогательном калмыцком глаголе *ke-* ‘делать’ нет показателя пассива *-gdə* в примере (25) и показателя реципрока *-ldə* в примере (26), но словоизменительные показатели (время, лицо) находятся на вспомогательном глаголе.

- (25) *gem-än sur-ad izvinyat'sja ke-nä-v*
 болезнь-P.REFL просить-CV.ANT делать-PRS-1SG
 ‘Прошу извинить мой проступок, извиняюсь’.

- (26) *tegäd dākād xojurn mirit'sja ke-və-vidən*
 потом еще вдвоем делать-PST-1PL
 ‘Потом уже помирились вдвоем’.

Отдельный интерес представляют случаи перехода внутри клаузы от ПК (сохраняющего морфологические и синтаксические свойства русского языка) к адаптационной модели со вспомогательным глаголом *ke-* ‘делать’, как в примере (27), не согласованном с точки зрения русской грамматики.

- (27) *kiis-i-n'* *täär-äd* *ündə ač-nər-n'* *dala* **которые она принимать** *ke-sən*
 пупок-ACC-P.3 резать-CV.ANT здесь внук-PL-P.3 много делать-PC.PST
 'Она перерезала пуповину, здесь много молодежи, которых она принимала'.

Подобные примеры еще раз демонстрируют возможности широкого использования языковых элементов с разным статусом в рамках двуязычного общения и условность разграничения переключения кодов, смещения кодов, спонтанного заимствования и регулярных заимствований.

Заключение

Наиболее важной стороной двуязычного общения в калмыцких поселках, по результатам наблюдений в 2006—2008 гг. и 2014 г., представляется ПК как норма внутригруппового взаимодействия, использование двух языков, русского и калмыцкого, как признак принадлежности к группе «своих». Подобная ситуация возникла как реакция на языковой сдвиг и сформировалась именно в благополучных в языковом отношении поселках.

Собственно на языковом уровне подобная ситуация приводит к появлению адаптации заимствованных явлений. Более частотные, регулярные заимствования (или «собственно заимствования») прежде всего получают фонетические признаки калмыцких слов и встраиваются в словоизменительные классы калмыцких лексем, тогда как спонтанные заимствования, не вошедшие в лексикон, оформляются по одной из двух моделей. Как отмечает Я. Вольгемут, многие языки имеют более одной адаптационной модели для заимствованных слов [Wohlgemuth 2009: 252]. В калмыцком языке одна из моделей оформляет заимствованные глаголы, тогда как другая используется для включения именных групп, что согласуется с известными из типологических исследований различными свойствами разных частей речи при ПК и заимствовании.

Глагольная модель оформления — инфинитив русского глагола с глаголом-связкой *ke-* 'делать' — интересна тем, что в результате образуется конструкция, не свойственная ни русскому, ни калмыцкому языку и обладающая новыми грамматическими свойствами. ПК часто приводит к инновациям и появлению структур, отсутствующих в обоих контактирующих языках, и это дает, согласно П. Майскену, основания для вопроса о том, существует ли «двуязычный синтаксис» сложных глаголов или они определяются правилами матричного языка [Muysken 2000: 219].

Заимствованные именные группы или фрагменты внутрисентенциальных переключений кодов включаются в калмыцкое высказывание с помощью различных форм грамматикализовавшегося глагола *gi-* 'говорить', что не было отмечено в литературе ранее. Примечательно, что таким образом в калмыцком языке иноязычные заимствования категоризируются как цитаты, фрагменты чужой речи, а глагол *gi-* выполняет металингвистическую функцию сигнала чужой, иноязычной речи.

Модель включения именных групп с помощью частично грамматикализованных форм глагола *gi-* 'говорить' имеет два источника: во-первых, употребление глагола *gi-* 'говорить' как маркера чужой речи в случаях мотивированного ПК и, во-вторых, конструкция с грамматикализованным хабитуальным причастием от глагола *gi-* 'говорить', вводящая имена собственные и другие номинации; о возможности возведения модели к двум источникам в рамках подхода, который в последнее время часто привлекается в исследованиях грамматикализации, см. [Traugott, Trousdale 2013]. От конструкции с послелогом при именах собственных наследуется форма хабитуального деепричастия, оформляющая заимствования, мотивированные ПК в конструкциях с прямой речью поддерживают модель адаптации заимствований и позволяют распространить ее на спонтанные заимствования (или переключения кодов), ограниченные именной группой.

Сокращения

- букв. — буквально
 ПК — переключение кодов
 ABL — исходный падеж (аблатив)
 ACC — винительный падеж (аккузатив)
 ASSOC — ассоциатив
 CAUS — каузатив
 COMP — законченный вид
 COP.AFF — утвердительная частица

- CV — деепричастие
 CV.ANT — anterior converb (в калмыковедении — «разделительное деепричастие»)
 CV.IPFV — имперфективное («соединительное») деепричастие
 CV.MOD — modal converb (в калмыковедении — «слитное деепричастие»)
 CV.PURP — целевое деепричастие
 CV.SUCC, CV.SUCC2 — условное деепричастие
 DAT — дательный падеж (датив)
 EVD — эвиденциальное прошедшее время
 EXT — неустойчивое *-n* в номинативе слов одного из склонений, частично выпадающее в косвенных падежах
 GEN — родительный падеж (генитив)
 INS — орудный падеж (инструменталис)
 L1 — язык № 1
 L2 — язык № 2
 NEG — отрицание
 NOM — именительный падеж (номинатив)
 O — объект
 ORD — порядковое числительное
 P — посессивный показатель
 P.REFL — возвратный посессивный показатель
 P.1 — посессивный показатель для первого лица
 P.2 — посессивный показатель для второго лица
 P.3 — посессивный показатель для третьего лица
 PASS — пассивный залог
 PC — причастие
 PC.FUT — причастие будущего времени
 PC.HAB — хабитуальное («многократное») причастие
 PC.PST — причастие прошедшего времени
 PL — множественное число
 PROG — прогрессив
 PRS — настоящее время
 PST — прошедшее время
 PST.EMPH — претерит (эмфатическая форма)
 REM — отдаленное прошедшее время
 S — субъект
 SG — единственное число
 V — глагол (предикат)
 1 — первое лицо
 2 — второе лицо
 3 — третье лицо

Литература

- Баранова, Сай 2009 — *Баранова В. В., Сай С. С.* Комментарий к корпусу текстов // Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. Сай С. С., Баранова В. В., Сердобольская Н. В. СПб., 2009. С. 710—728. {*Baranova V. V., Saj S. S.* Kommentarij k korpusu tekstov // Issledovanija po grammatike kalmytskogo jazyka / Ed. Saj S. S., Baranova V. V., Serdobol'skaja N. V. SPb., 2009. P. 710—728.}
- Князев 2009 — *Князев М. Ю.* Сентенциальные дополнения в калмыцком языке // Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. Сай С. С., Баранова В. В., Сердобольская Н. В. СПб., 2009. С. 525—580. {*Kn'azev M. Ju.* Sententsial'nye dopolnenija v kalmytskom jazyke // Issledovanija po grammatike kalmytskogo jazyka / Ed. Saj S. S., Baranova V. V., Serdobol'skaja N. V. SPb., 2009. P. 525—580.}
- Пюрбеев 1976 — *Пюрбеев Г. Ц.* Семантика и синтаксические функции глагола *gix* в современном калмыцком языке // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М., 1976. С. 95—103. {*P'urbeev G. Ts.* Semantika i sintaksicheskie funktsii glagola *gih* v sovremennom kalmytskom jazyke // Voprosy grammatiki i leksikologii sovremennogo kalmytskogo jazyka. M., 1976. P. 95—103.}
- Русаков 1998 — *Русаков А. Ю.* Севернорусский диалект цыганского языка: Интерференция и переключение кодов // Этнолингвистические исследования: Взаимодействие языков и диалектов. СПб., 1998. С. 162—191. {*Rusakov A. Ju.*

Severnorusskij dialekt tsyganskogo jazyka: Interferentsija i perekl'uchenie kodov // Etnolingvisticheskie issledovanija: Vzaimodejstvie jazykov i dialektov. SPb., 1998. P. 162—191.}

Сай и др. 2009 — Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. Сай С. С., Баранова В. В., Сердобольская Н. В. СПб., 2009. {Issledovanija po grammatike kalmytskogo jazyka / Ed. Saj S. S., Baranova V. V., Serdobol'skaja N. V. SPb., 2009.}

Auer 1999 — Auer P. From Codeswitching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech // International Journal of Bilingualism. 1999, 3. P. 309—332.

Baranova 2009 — Baranova V. Deportation and Language Identity in Kalmykia // Endangered Languages and History: Proceedings of the Thirteenth FEL Conference (Khorog, Tajikistan, 24—26 September 2009) / Eds. Elnazarov H., Ostler N. Bath, 2009. P. 67—71.

Baskus 1996 — Baskus A. Two in One: Bilingual Speech of Turkish Immigrants in the Netherlands. Tilburg, 1996.

Brosig forthc. — Brosig B. The quotative verb *ge-* in the Khalkha Mongolian constructions, forthcoming.

Glossing Rules — Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses // <http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>.

Grosjean 1995 — Grosjean F. A Psycholinguistic Approach to Code-Switching: The Recognition of Guest Words by Bilinguals // One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching / Eds. Milroy L., Muysken P. Cambridge, 1995. P. 255—275.

Gumperz 1982 — Gumperz J. Discourse Strategies. Cambridge, 1982.

Güldemann 2008 — Güldemann T. Quotative Indexes in African Languages: A Synchronic and Diachronic Survey. Berlin, 2008.

Hashimoto 2004 — Hashimoto K. Metarepresentational Motivation: The Grammaticalization of the Verb of Saying *ge-* in Mongolian // Tsukuba English studies. 2004, 22. P. 35—49.

Johanson, Csató 1998 — The Turkic languages / Eds. Johanson L., Csató É. A. London, 1998.

Matić, Pakendorf 2013 — Matić D., Pakendorf B. Non-canonical SAY in Siberia: Areal and Genealogical Patterns // Studies in Language. 2013, 37. Is. 2. P. 356—412.

Muysken 2000 — Muysken P. Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing. Cambridge, 2000.

Myers-Scotton 1992 — Myers-Scotton C. Comparing Codeswitching and Borrowing // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1992, 13 / 1—2. P. 19—39.

Poplack et al. 1988 — Poplack Sh., Sankoff D., Miller Ch. The Social Correlates and Linguistic Processes of Lexical Borrowing and Assimilation // Linguistics. 1988, 26. P. 47—104.

Sasse 1992 — Sasse H.-J. Language Decay and Contact-induced Change: Similarities and Differences // Language Death: Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa / Ed. Brenzinger M. Berlin, 1992. P. 59—80.

Street 2013 — Street J. C. On Quotation in Middle Mongolian: The verb *ke(m)e-* 'to say'. (The Mongolia Society. Occasional paper, 27.) Bloomington, 2013.

Traugott, Trousdale 2013 — Traugott E. C., Trousdale G. Constructionalization and Constructional Changes. Oxford, 2013.

Wohlgemuth 2009 — Wohlgemuth J. A Typology of Verbal Borrowings. Berlin, 2009.

РЕЗЮМЕ

В статье представлено описание различных случаев включения русских элементов в калмыцкий язык: заимствований, спонтанных заимствований, переключения кодов. Наблюдения в двуязычном сообществе показывают, что переключение кодов чрезвычайно распространено в калмыцких поселках. С функциональной точки зрения переключение кодов представляет собой коммуникативную стратегию, а структурно (спонтанные) заимствования получают фонетическое и морфологическое оформление. Существуют две модели адаптации иноязычных элементов: глагол *ke-* 'делать' используется как связка при заимствованных глаголах, а именные группы оформляются формами глагола *gi-* 'говорить'. Анализ показывает, что данная модель связана как с частым переключением кодов при цитатах, прямой и косвенной речи, так и с послелогом *gidæg* — грамматикализованной формой хабитуального причастия от глагола *gi-* 'говорить', вводящей конструкции номинации.

SUMMARY

The article presents an overview of code-switching and other cases of the juxtaposition of two languages and borrowings from Russian in Kalmyk based on the empirical data. Code-switching is a very common phenomenon in communication among Kalmyks. On a functional level, it is often used as a communicative strategy and, on the structural level, texts provide evidence of two main patterns of nonce borrowings adaptation. The first one is the light verb strategy with auxiliary *ke-* 'do'

and an infinitive of the Russian verb, the second accommodation strategy for a noun phrase is a pattern with verb *gi-* 'say' which exhibits features of grammaticalization. It is demonstrated in the article that the sources of a marker of borrowing nouns may be both code-switching in the direct and reported speech with a verb of saying and a construction with a form of habitual participle *gidəg*.

Ключевые слова: калмыцкий язык, переключение кодов, смешение кодов, заимствования, прямая речь, косвенная речь

Keywords: Kalmyk, code-switching, code-mixing, borrowings, direct speech, reported speech

Баранова Влада Вячеславовна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); vbaranova@hse.ru

Vlada V. Baranova, National Research University "Higher School of Economics", Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg); vbaranova@hse.ru